

УДК 9(С)+00.2
ББК 63.3(2Р5)+76.12

Положение рабочих на золотых приисках Восточной Сибири на страницах сибирской печати

Н. А. Бушина

Институт развития образования Иркутской области, г. Иркутск

Рассматриваются вопросы о положении рабочих на золотых приисках Восточной Сибири в освещении сибирской печати. Обсуждается сущность рабочего вопроса и его социально-нормативное положение в обществе; определяются пути, предлагаемые местной прессой для его решения, а также изучается степень теоретической разработки вопроса.

Ключевые слова: положение рабочих, сибирская печать, золотодобыча, спиртоношение, золотые прииски.

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. В первой половине XIX в. в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию [1]. Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [2].

Изучение экономического развития Сибири свидетельствует о том, что со времени присоединения ее к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства – сельское хозяйство, промышленность, промыслы – развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для европейского центра. Интересы последнего в лице императорского Кабинета, казны, помещиков и фабрикантов защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства, в финансовой, в том числе налоговой политике, во внешнеэкономической деятельности. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф. Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Ви-

геля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться [3].

Именно такого рода воззрения определяли статус и место Сибири в составе империи. Небезынтересно отметить, что Вигель в своих высказываниях довольно точно очертил ориентацию правительственных интересов в Сибири. Для московских, а затем и петербургских царей и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины [4].

После того, как соболь – наиболее ценный объект пушного промысла – был почти повсеместно выбит, на смену пушнины пришли драгоценные металлы.

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 т пуд. золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пуд., или 11,9 %, то к 1856–1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пуд. Иными словами, доля сибирской золотодобычи в масштабах государства составляла 78 %.

К концу XIX в. золотопромышленность становится главной отраслью добывающей промышленности Сибири. По сумме вложенных капиталов и по численности занятых рабочих мест она занимает одно из ведущих мест в горном деле России. Это обстоятельство наложило отпечаток и на деятельность местных органов власти. В Сибири были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, а в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, ведавшие добычей благородных металлов.

Вполне естественно, что развитие отрасли, имеющей огромное значение не только для экономики региона, но и страны в целом, не могло остаться незаметным для местной печати. Газеты, являющиеся барометром общественной мысли Сибири, старались освещать на своих страницах все сколько-нибудь заметные события, происходившие в золотопромышленности. Обсуждение проблем золотопромышленности на страницах сибирской печати началось с выхода первых газет, и было вызвано изменениями в отрасли: это и принятие нового устава, и проникновение частного капитала, кризис в золотопромышленности и мн. др.

Местная пресса поднимала, прежде всего, вопросы, волновавшие общество. К концу XIX в. из всего многообразия статей, посвященных золотопромышленности, более трети освещают рабочий вопрос, и это не случайно. Положение приисковых рабочих занимало одно из важнейших мест в блоке сибирских вопросов, поставленных местной печатью для скорейшего разрешения. Сибирская передовая печать указывала на жесточайшую эксплуатацию и каторжные условия труда в отношении рабочих на золотых промыслах и призывала государство к изменению правовой базы в отношении рабочих.

Этот вопрос нашел широкое освещение на страницах сибирской печати. Большой вклад в его освещение внес известный исследователь В. И. Семевский, публикуя свои очерки в «Восточном обозрении»; позже они

вошли в двухтомное сочинение «Рабочие на золотых приисках Восточной Сибири». Прессу интересовали, прежде всего, условия труда и быта.

Как отмечала местная печать, минимальные расходы на техническое оснащение приисков, исключительно высокие нормы выработки, максимальная продолжительность рабочего дня, оплата труда по минимальным ставкам – все это складывалось в условия, неприемлемые для стоворчивых ссыльнопоселенцев и крестьян [5].

Все чаще в прессе стали появляться заметки о беспокойной обстановке на приисках. Сибирская печать указывала, что социальная напряженность, происходившая от адских условий труда и абсолютно примитивного быта, возрастала год от года и вылилась в бесконечные уходы рабочих с приисков, которые стали для золотопромышленников настоящим бедствием [6].

Пресса убеждала принять решительные меры, пока небольшие очаги пожара не переросли в пламя, уничтожившее все на своем пути. Сибирская печать призывала правительство к проведению ряда мероприятий, которые бы не только снизили социальную напряженность, но и способствовали облегчению положения рабочих. При этом она подчеркивала, что эти меры не должны противодействовать развитию золотопромышленности. Для этого, отмечала местная печать, необходимо всестороннее исследование положения рабочих на золотых приисках. Придавая большое значение сбору указанных сведений для правильного решения рабочего вопроса, сибирская печать помещала на своих страницах огромное количество материала, посвященного быту рабочих, знакомила читателя с новыми исследованиями в этой области, внося, таким образом, существенный вклад в разработку проблемы.

Обращение местной прессы к правительству было обусловлено тем, что решение рабочего вопроса требовало принятия целого ряда законодательных мер. Для того чтобы заставить высшую администрацию обратить внимание на рабочий вопрос, она прибегала к убедительной аргументации. Она отмечала, что беспокойная обстановка в золотопромышленности не выгодна как для золотопромышленников, так и для государства с точки зрения его экономических интересов. Она подчеркивала, что страна, наконец избавившаяся от многовекового рабства, не должна его возрождать в еще более ужасных формах.

В 1870 г. был принят новый устав о золотопромышленности, и статьи сибирских газет сыграли не последнюю роль в решении этого вопроса.

Важнейшей причиной, повлекшей за собой изменение правил о найме, стала усиливающаяся с каждым днем волна рабочего движения. Массовые протесты рабочих, вызванные нещадной эксплуатацией, ярко отразились на страницах местной печати. Параллельно с помещением сведений о различных жалобах, поступавших в местные инстанции, сибирская печать сообщала о многочисленных случаях не только пассивного сопротивления рабочих, выражавшегося в отказе от работы, но и открытых столкновениях с приисковым начальством. Так, в корреспонденции из Енисейского округа сообщалось, что бежавшие с прииска Тимофея Моторина рабочие после возвращения на прииск были посажены в холодный амбар. Многодневные просьбы о смягчении наказания не давали никаких результатов, и лишь заступничество

товарищей помогло избежать им голодной смерти. Разгневанные рабочие вечером того же дня напали на управляющего, за что были жестоко наказаны, 8 из 10 были арестованы [7].

Как отмечала сибирская печать, смиренные и бесправные рабочие все чаще требовали большей платы за меньший объем работы. Волнения на этой почве прокатились почти по всем приискам Восточной Сибири. Ни о каких переговорах с этим диким «сборищем» и тем более уступках ему, разумеется, не могло и быть речи [8].

Социальные конфликты в России, подчеркивала местная пресса, всегда предпочитали решать силовыми средствами и предупреждать их на будущее профилактическим бряцанием оружия, а то и стрельбой по своим подданным [9].

Анализ газетных публикаций выявляет странную закономерность: первые сведения о социальной напряженности и побегах с приисков появляются лишь в 80-е гг., в то время как литература изобилует рассказами о бесконечных волнениях на золотых промыслах еще с момента появления первых золотопромышленных компаний. Сибирская печать писала о чем угодно, будь то эксплуатация рабочих или ужасные санитарные условия, но только не о волнениях на приисках. Единственно верным объяснением этому, на наш взгляд, является усиление цензурных ограничений со стороны местной власти. Иначе как объяснить, что важнейший аспект взаимоотношений между рабочими и золотопромышленниками не был освещен в сибирской печати?

Первые публикации, содержащие сведения о беспорядках на приисках, появляются в 80-е гг. XIX в. в газете «Сибирь», в виде корреспонденций из енисейской тайги. Этому есть логичное объяснение. Расцвет сибирской золотопромышленности в первой половине XIX в., который сопровождался появлением огромного количества золотопромышленных компаний и товариществ, связан с открытием россыпных месторождений в енисейской тайге. Но именно енисейская тайга стала первой жертвой кризиса, охватившего золотопромышленность Восточной Сибири. Уже во второй половине XIX в. наблюдается полное истощение золотых ресурсов на приисках с богатым содержанием драгоценного металла. Для дальнейшего функционирования требовалось разрабатывать «худые» пески, вовлекаемые в эксплуатацию, как правило, в последнюю очередь, что в свою очередь требовало усиления технико-производственной базы. Техническую отсталость многочисленные золотопромышленные компании компенсировали за счет эксплуатации рабочего населения, выразившейся в увеличении продолжительности рабочего дня. Такая политика, проводимая местными золотопромышленниками, неизбежно вела к усилению социальной напряженности в регионе.

Побеги ссыльнопоселенцев с приисков после получения аванса, их экономические требования, волнения и другие формы протеста не на шутку озаботили золотопромышленников и местную администрацию. Как отмечала сибирская печать, при каждом удобном случае золотопромышленники хлопотали о том, чтобы придумать меры против побегов. Они даже поднимали этот вопрос на заседании Иркутского отделения технического общества. Однако услышанное там повергло золотопромышленников в шок. Как писала

газета «Сибирь», из отчета технического общества следовало, что «рабочие уходят с приисков вовсе не потому, что они негодны, а потому, что им там скверно» [10].

Передовая общественность тоже не могла остаться в стороне от этих событий, и страницы сибирских газет запестрели заголовками статей, посвященными происшествиям на приисках. Волнения на приисках – одна из немногих проблем, которая не просто отразилась, а получила идеологическое обоснование в прессе, представляющей интересы золотопромышленников. Таким образом, в этом вопросе местная печать разделилась на два противоборствующих лагеря. «Вестник золотопромышленности» защищал права золотопромышленников, а демократическая печать стремилась к объективному освещению событий.

До появления печатного органа, отстаивающего интересы золотопромышленников, сибирская демократическая печать не только высказывала свою точку зрения, но и приводила доводы противной стороны. Так, в частности, газета «Сибирь» опубликовала мнение горного инженера витимского горного округа о происшествиях на приисках. В качестве важнейших причин, приведших к волнениям и побегам, он называл испорченную нравственность рабочих, непривычку к тяжелым работам, склонность к бродяжничеству. Единственный выход он видел в усилении полицейского надзора [11].

Взгляд демократической печати на этот вопрос был прямо противоположным. Сотрудники газеты «Сибирь» считали, что основными причинами побегов и волнений являются жесточайшая эксплуатация на приисках и выдача огромных задатков, которые дают возможность рабочим предаваться кутежу.

Усиление рабочего движения в начале 90-х гг. вызвало всплеск газетных публикаций, посвященных выявлению причин этого явления. В силу различных интересов демократическая печать и «Вестник золотопромышленности» высказывали диаметрально противоположные взгляды на эту проблему. Если «Восточное обозрение» и «Енисей» пытались выявить объективные причины, приведшие к волнениям, то «Вестник золотопромышленности», прежде всего, старался «выгородить» промышленников и всю вину возложить на рабочих.

Демократическая печать основными причинами побегов называла:

Во-первых, жестокое обращение с рабочими со стороны приисковой администрации. Страницы газет изобиловали примерами из жизни рабочих, подвергшихся насилию. Так, заведующий полицейской частью на одном из приисков, прогневавшись на одного рабочего, заковал его в кандалы и держал в оковах с 20 июля по 1 октября [12].

Во-вторых, тяжелые условия труда и быта. Продолжительность рабочего дня на большинстве приисков превышала 18 часов, нормы выработки увеличены почти вдвое.

В-третьих, неудовлетворительное питание. Считалось, что рабочие находятся на готовом содержании. Но количество продуктов, входящих в состав пайка, было так невелико, а их качество было таким плохим, что треть заработка рабочие были вынуждены оставлять в приисковых лавках [14].

В-четвертых, увеличение штрафов и полицейского контроля. Золотопромышленники искали любой случай, чтобы оштрафовать. Штрафы налагались за опоздание, за несоблюдение чистоты в жилых помещениях, за нарушение тишины. А любое более тяжелое нарушение приводило к жестокой расправе. Приисковая администрация определяла наказание даже за такие проступки, определение виновности которых принадлежит только суду [15].

Еще одной не менее важной причиной побегов явилась неурегулированность вопроса о норме винной порции, выдаваемой рабочим. Сибирская печать указывала, что изобилие или недостаток спирта могли привести к беспорядкам на приисках. Она предлагала выработать определенную норму, которую бы получал рабочий после трудового дня [16].

Демократическая печать утверждала, что причиной побегов зачастую является равнодушие приисковых властей и местной администрации к жалобам рабочих. Власти предпочитают вмешиваться, когда волнения охватывают огромную территорию и угрожают безопасности золотопромышленников. Проще привести войска для усмирения разбушевавшейся толпы, чем разбираться с многочисленными жалобами, поступающими с приисков [17].

«Вестник золотопромышленности», чувствуя поддержку местных властей, выступал против сибирской передовой печати. Он утверждал, что увеличение волнений вовсе не зависит от улучшения положения на приисках. В качестве доказательства журнал приводил статистику побегов по годам. На основе имеющихся данных он делал вывод, что количество побегов возросло в последние годы, когда положение рабочих на многих приисках улучшилось, а в предыдущие годы, несмотря на незавидное положение рабочих, процент бежавших был невелик. Тогда зачем что-то менять, когда социальная напряженность не уменьшается, а, напротив, растет? [18]

Пытаясь снять вину за происшествия на приисках с золотопромышленников, журнал утверждал, что причинами побегов являются, во-первых, легкая возможность получения водки; во-вторых, отсутствие разумных удовольствий на приисках; в-третьих, безответственность рабочих за принятые на себя обязательства. Немаловажным остается и тот факт, что значительный процент рабочих состоит из ссыльнопоселенцев, которых ничего не держит, и поэтому при каждом удобном случае они бегут.

Сибирская демократическая печать тут же вступила в полемику с журналом. Она утверждала, что доступность спирта во многом обеспечивается самими золотопромышленниками, которые в лавках продают спирт и тем самым развращают рабочих [19].

А о каких разумных удовольствиях вообще могла идти речь, когда на приисках не то, что школы, но даже избы-читальни не было, не говоря уже о театрах и прочих культурных развлечениях? Замученный тяжелым трудом рабочий еле ноги тащил до казармы, где падал и засыпал мертвым сном.

Единственное, в чем обе стороны были солидарны, это в том, что главная причина побегов состояла в отсутствии норм, точно определяющих взаимоотношения между золотопромышленниками и рабочими.

Заслуга прогрессивной печати состояла в том, что она рассматривала побег не как нарушение закона, а как гражданский акт [20].

Крайне тяжелые физические нагрузки в течение рабочего дня, дискомфортные бытовые условия в устроенных на скорую руку бараках-казармах, напряженная атмосфера общения в замкнутой среде обитания усиливали традиционную предрасположенность русского человека к алкоголю. Как свидетельствовали многочисленные публикации, просьбы и прошения рабочих о «разбавлении сухого режима» дозволенной чаркой водки перерастали в упорные требования и обращались в саботаж, неповиновение, побег, приготовление самопального дурмана. Пойманные и возвращенные на прииск беглецы нередко в свое оправдание говорили, что если бы им позволялось принять чарку водки, незачем было бы бежать с приисков.

Местная пресса приняла активное участие в обсуждении этой проблемы. Она размещала на страницах своих газет множество публикаций о бесчинствах рабочих в пьяном виде. Сибирская печать рекомендовала хозяевам приисков организовать ежедневную выдачу водки каждому работнику для подкрепления сил. Эта мера усмирила бы работников и уменьшила тайную продажу спирта [21].

Делать водку запрещенным плодом для приисковых рабочих в высшей степени несправедливо, потому что рабочие на золотых промыслах такие же люди, как и все работающие на фабриках и заводах, и подвержены общим слабостям относительно употребления водки [22].

«Вестник золотопромышленности» считал, что, прежде всего, необходимо бороться с невежеством и необразованностью рабочих, именно в них он видел основную причину беспробудного пьянства на золотых промыслах. В качестве примера журнал приводил Америку, где рабочие после трудового дня не стремятся напиться, а посещают публичные лекции и читают газеты [23].

В условиях российской действительности это было невозможно. Рабочие крупнейших фабрик и заводов Европейской России не умели даже читать, что уж говорить о приисковых рабочих из глухих сибирских деревень. Для осуществления предлагаемой меры необходимо было менять систему, существовавшую в России не один век, но сами господа-золотопромышленники не стремились к этому.

На страницах сибирской печати составной частью вопроса о пьянстве и разгуле рабочих стала проблема тайной продажи спирта. Для борьбы с пьянством и спиртоносами сибирская пресса предлагала поставить хорошую администрацию, прекратить расчет на приисках, [24] разрешить устройство кабаков и других «злчных мест» на расстоянии не менее 30 верст от ближайших приисков и увеличить вознаграждение за подъемное золото [25].

Однако эти меры были недостаточны; спиртоношество превратилось в хорошо отлаженную систему, широко распусшившую свои сети. Казенная норма, после которой «не пьян и не трезв», не утоляла, а лишь распяляла жажду широкой русской души. Для «подкрепления сил» требовалось много больше. Крестьянское население местностей, сопредельных с приисковыми зонами, быстро смекнуло, как извлечь собственную выгоду. Подпольное винокурение и контрабандная торговля самогоном были поставлены на широкую ногу и превратились в высокодоходные статьи крестьянского бюджета [26].

За бутылку спирта в 30–40 градусов брали от одного до двух рублей, а так как из ведра спирта получалось 30–40 бутылок, доход составлял от 40 до 80 руб. (в Енисейске ведро спирта стоило 10 руб.) [27].

Как сообщала местная пресса, спиртоносы прокладывали надежные маршруты к местам встречи с покупателями, щедро платившими золотом. Если в первые годы развития золотого промысла спиртоносы доставляли спирт на прииски бочками и сбывали его рабочим большей частью через караульных, то с ростом добычи золота спиртоношество приобретает другие формы [28].

Это уже были не одиночки, снующие с прииска на прииск в надежде продать спирт, а группы людей, хорошо представляющие свою цель. Исключительно высокая надежность прибылей от нелегальной винной торговли подвигла некоторых из них на оформление совершенно бездоходных участков: рабочие этого фиктивного прииска занимались спиртоношеством, а скупленное ими золото записывалось в книгу как выработанное [29].

Судя по присылаемым в местные издания корреспонденциям, спиртоношество приобрело широкий размах; исчезнув в одном месте, оно возникало в другом. Так, в сообщении из енисейской тайги утверждалось, что разгромленная несколько лет назад на приисках северной системы компания по продаже спирта воскресла на приисках Олекминской системы [30].

Сибирская печать сообщала о безуспешной борьбе с пьянством и спиртоношеством. Неудачи объяснялись толерантным отношением к всевозможным проделкам, созданием своеобразной системы нравственности, при которой покупка краденого золота, например, перестала считаться чем-либо недостойным, и если не все занимаются этим специально, то очень многие принимают краденое золото [31].

Прибыли были так высоки, что золотопромышленники, сами страдающие от пьянства рабочих, открывали питейные заведения на территории прииска и продавали спирт в неограниченных количествах. Местная пресса утверждала, что для борьбы с пьянством нужны были совместные усилия золотопромышленников, местных властей и рабочих, и пока эти стороны не договорятся, ждать изменений в решении этого вопроса не приходится.

В то же время местная печать, находясь на принципах объективности, считала своим долгом отметить, что распространению пьянства способствует не только равнодушие местных властей и золотопромышленников, но и страстное желание предаться кутежу самих рабочих. Обратный путь домой превращался в один большой загул. Большинство сибирских корреспонденций указывало на то, что 10 сентября справедливо считали днем великого застолья. Окончание сезона превращалось во всеобщее пьяное разгулье. Первые ненормированные дозы спиртного принимались в ближайших деревнях на маршрутах выходов с приисков. Жители деревень заблаговременно и обстоятельно готовились к приему незваных, но желанных и богатых гостей [32].

В первой деревне угощались водкой вдоволь, но все же на скорую руку. А затем стремились добраться до настоящих злчных мест с искрометным шампанским и готовыми ко всему женщинами.

Наиболее известно из публикаций село Витим, оно было первым населенным пунктом, в который заходил пароход, развозивший рабочих с резиденций после расчета. В Витиме на 124 крестьянских дома приходилось четыре винных склада, два трактира и до сорока кабаков явных и тайных. Рабочие, попадая сюда, становились добычей питейных заведений и нелегально действовавших под их крышей борделей. Жители этого селения как сезонного урожая ожидали выхода рабочих, и это время для них было временем тяжелых непокладных трудов, потому что приискатель был поильцем и кормильцем. По милости его бесшабашности, страсти к мотовству и разным удовольствиям, жители села целый год могли ничего не делать, пользуясь тем, чем поживились за время недельного пребывания приисковых рабочих [33].

Завидя пароход, толпа высыпала на набережную. Старые и малые, мужчины и женщины встречали дорогих гостей. Питейные заведения исполняли любой каприз богатых клиентов. Вино лилось рекой. Цены на спирт, поначалу невысокие, по мере разогрева пьяной толпы повышались втрое, а то и вчетверо. Местная пресса указывала на полное падение нравов в среде рабочих после окончания работ. Энергия воздержания, после окончания промыслового сезона обращалась в групповые изнасилования, оргии с кабацкими певичками и танцовщицами, цена на прелести которых взлетала выше золота. Вокруг денежных и разохотившихся приискателей мгновенно возникала свита собутыльников, жаждущих выпить и закусить за чужой счет. Сами же рабочие старались перещеголять друг друга в растрате денег. Одни заказывали себе извозчика из местных жителей или менее удачных собратьев и ездили на них верхом как на лошади; другие требовали вин, о которых случайно слышали на приисках от хозяев: мадеры, хересу, шампанского (разумеется, вместо них получая сивуху, подправленную специями), третьи покупали местным женщинам конфеты и наряды по немыслимым ценам [34].

Глубокой ночью кабацкий кутеж перемещался на заранее приготовленные им квартиры. Для некоторых веселившихся пьяные оргии уже на этом этапе заканчивались полным пропитием заработка, одежды и обуви. Напившихся до бессознательного состояния рабочих местные жители доставляли на крыльцо полицейской управы или сбрасывали в Лену с удавкой на шее. Ледники Витима в это время были полны трупами.

Таким образом, все, что зарабатывалось в течение года, проматывалось в 3–4 дня, и снова рабочий был вынужден наниматься к золотопромышленнику – и это в лучшем случае, многие же исчезали навсегда в темных водах Лены [35].

В то же время сибирская печать стремилась привести общественность к убеждению, что именно золотопромышленность развращает рабочих. Она подчеркивала, что рабочие, несколько месяцев не видевшие, ничего кроме тяжелого труда и «скотского» обращения, попадая в руки гостеприимных хозяев, за день спускали все добытые непосильным трудом деньги. После этого все надежды о строительстве новой избы и покупке скота рассыпались в прах, и нет другого выхода, как снова напиться и наняться на прииски, или же нищим воротиться домой, со стыдом и срамом [36]. Сибирская печать старалась показать, что массовое пьянство оборачивалось тяжелой бедой для

рабочих. Огромное число, оставшись без единой копейки, вставало на путь бродяжничества и воровства. Семьи же, не дождавшись ни заработка, ни кормильца, оставались без средств к существованию [37].

Местная печать для уменьшения разгула призывала золотопромышленников, во-первых, ослабить бремя гнета, во-вторых, обеспечить уход с приисков под надзором казаков, изолировавших рабочие группы друг от друга и пресекающих возможные безобразия.

Таким образом, положение рабочих на золотых промыслах Восточной Сибири получило широкое освещение на страницах местных изданий, так как сибирская печать рассматривала этот вопрос как один из самых острых и требующих немедленного разрешения. Местная пресса подробно освещала все аспекты этого вопроса: социальный состав, условия труда и быта, правила найма и мн. др. Сведения о положении носили, как правило, описательный характер, тем не менее, они содержали богатый фактический материал о проживании, питании, медицинском обслуживании, чего не могли дать сухие отчеты горных исправников.

Главная же заслуга сибирской печати заключалась в привлечении внимания общественности к проблемам рабочих на золотых промыслах Восточной Сибири.

1. *Преображенский А. А.* Об исторической роли окраин позднефеодальной России в свете дореволюционных трудов В. И. Ленина // *Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма.* М., 1970. С. 368.

2. Цит по: *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 15; Гефтер М. Я. Из тех и этих лет... М., 1991. С. 383.

3. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 191. Автор считает необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А. С. Кузнецовым, а затем А. В. Ремневым. См.: *Кузнецов А. С.* Сибирская программа царизма 1852 г. // *Очерки истории Сибири.* Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12; *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 17.

4. См.: *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972.

5. Что препятствует развитию золотопромышленности // *Амур.* 1861. № 45. С. 354–357.

6. Что препятствует развитию золотопромышленности // *Амур.* 1861. № 45. С. 354–357.

7. Из Енисейской тайги // *Сиб. газ.* 1895. № 20. С. 493.

1. *Preobrazhenskii A. A.* In light of historical role of later-feudal Russia's outskirts with reference to Lenin's prerevolutionary works // *Actual problems of Russian history in feudal age.* M., 1970. P. 368.

2. Cit.: *Remnev A. V.* Autocracy and Siberia. Omsk, 1995. P. 15.

3. *Vigel F. F.* Travel notes. M., 2000. P. 191. The author here presupposes it is being necessary to mention that the excerpt having been first done by A. S. Kuznetsov, followed by A. V. Remnev at siberian researches of different periods. Rf. *Kuznetsov A. S.* Siberian programme for tzarizm 1852 // *Siberia's History Feature Articles.* II iss. Irkutsk, 1971. P. 12; *Remnev A. V.* Autocracy and Siberia. Omsk, 1995. P. 17.

4. Rf. *Pavlov P. N.* Siberian Trapping of XVII century. Krasnoyarsk, 1972.

5. What opposes gold-mining development // *The Amur.* 1861. N 45. P. 354–357.

6. What opposes gold-mining development // *The Amur.* 1861. N 45. P. 354–357.

7. From the Enisey Taiga // *The Siberian Paper.* 1895. N 20. P. 493.

8. Strike of gold-diggers // *The Siberian Paper.* 1895. N 33. P. 845–848.

8. Стачка приисковых рабочих // Там же. 1895. № 33. С. 845–848.
9. По приисково-рабочему вопросу // Вост. обозрение. 1896. № 31. С. 3.
10. К вопросу о приисковых рабочих // Сибирь. 1882. № 41. С. 2–3.
11. К вопросу о приисковых рабочих // Сибирь. 1882. № 41. С. 2–3.
12. Наши золотые промыслы // Вост. обозрение. 1891. № 4. С. 2.
13. Во что обходится золото // Вост. обозрение. 1883. № 25. С. 1.
14. Положение рабочих на золотых промыслах Енисейской губернии // Енисейский листок. 1892. № 13. С. 2.
15. Ненормальное положение рабочих и выход из него // Вост. обозрение. 1890. № 6. С. 1–2.
16. Что нужно для приисков приленских систем // Вост. обозрение. 1886. № 50. С. 9.
17. Из Северно-Енисейских промыслов // Сиб. газ. 1885. № 34. С. 1.
18. Передовая статья // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1895. № 10. С. 103.
19. Из литературы о золотых промыслах // Вост. обозрение. 1896. № 25. С. 8.
20. Таежник о приисково-рабочем вопросе // Вост. обозрение. 1888. № 33. С. 1.
21. Из северных енисейских промыслов // Сиб. газ. 1884. № 37. С. 946.
22. О мерах против спиртоносов // Сибирь. 1884. № 48. С. 2–4.
23. Передовая статья // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1895. № 2. С. 23–24.
24. К вопросу о золотопромышленности // Сибирь. 1876. № 46. С. 1.
25. О мерах против спиртоносов // Сибирь. 1884. № 48. С. 2–4.
26. Еще о значении золотопромышленности для Сибири // Сибирь. 1886. № 51–52. С. 4–6.
27. Енисейская золотопромышленность // Сиб. газ. 1886. 19 окт. (№ 42). С. 1184.
28. Спиртоношество и приисковая виноторговля // Сиб. газ. 1884. 30 сент. (№ 40). С. 981.
29. About diggers workforce matter // The Eastern Review. 1896. N 31. P. 3.
10. On diggers' matter // The Siberia. 1882. N 41. P. 2–3.
11. On diggers' matter // The Siberia. 1882. N 41. P. 2–3.
12. Our local gold trades // The Eastern Review. 1891. N 4. P. 2.
13. How much is the gold // The Eastern Review. 1883. N 25. P. 1.
14. Working conditions of gold-diggers of the Enisey Province // The Enisey Leaflet. 1892. N 13. P. 2.
15. Improper working conditions and the way out // The Eastern Review. 1890. N 6. P. 1–2.
16. What the Lena-based gold mines lack // The Eastern Review. 1886. N 50. P. 9.
17. From North-Enisey gold mines // The Siberian Paper. 1885. N 34. P. 1.
18. The Editorial // Gold trading and General Mining Herald. 1895. N 10. P. 103.
19. From publications on gold mining // The Eastern Review. 1896. N 25. P. 8.
20. The Taigaman about gold-diggers matter // The Eastern Review. 1888. N 33. P. 1.
21. From Northern Enisey gold-miners // The Siberian Paper. 1884. N 37. P. 946.
22. Precautions against alcohol-thieves // The Siberia 1884. N 48. P. 2–4.
23. The Editorial // Gold trading and General Mining Herald. 1895. N 2. P. 23–24.
24. About gold-trade essence // the Siberia. 1876. N 46. P. 1.
25. Precautions against alcohol-thieves // The Siberia 1884. N 48. P. 2–4.
26. Gold-trade's another concern for Siberia // The Siberia. 1886. N 51–52. P. 4–6.
27. The Eniseyan Gold mining // The Siberian Paper. 1886. October 19th (iss. 42). P. 1184.
28. Alcohol stealing and vine trade at gold mines // The Siberian Paper. 1884. September 30th (iss. 40). P. 981.
29. Alcohol stealing and vine trade at gold mines // The Siberian Paper. 1884. September 30th (iss. 40). P. 1185–1186.
30. Alcohol stealing and vine trade at gold mines // The Siberian Paper. 1884. September 30th (iss. 40). P. 982.

29. Спиртоношество и приисковая виноторговля // Сиб. газ. 1884. 30 сент. (№ 40). С. 1185–1186.
30. Спиртоношество и приисковая виноторговля // Сиб. газ. 1884. 30 сент. (№ 40). С. 982.
31. Медико-статистический отчет // Енисейские губернские ведомости. 1862. 18 июля (№ 28). С. 82.
32. Ламин В. А. Золотой след Сибири. Новосибирск : Наука, 2002. С. 87.
33. Из приисковых легенд // Сибирь. 1886. 5 апр. (№ 14–15). С. 19–21.
34. Медико-статистический отчет // Енисейские губернские ведомости. 1862. 18 июля (№ 28). С. 84.
35. День расчета // Сибирь. 1884. 13 мая (№ 20). С. 8.
36. Витим // Сибирь. 1878. 26 марта (№ 8). С. 4.
37. Там же.
31. Health Statistics Report // The Enisey Provincial Journal. 1862. July 18th (iss. 28). P. 82.
32. Lamin V. A. Siberian Gold Track. Novosibirsk : Nauka, 2002. P. 87.
33. Legends of gold fields // The Siberia. 1886. April 5th (iss. 14–15). P. 19–21.
34. Health Statistics Report // The Enisey Provincial Journal. 1862. July 18th (iss. 28). P. 84.
35. Payment day // The Siberia. 1884. May 13th (iss. 20). P. 8.
36. To Vitim // The Siberia. 1878. March 26th (iss. 8). P. 4.
37. Ibid.

Siberian Print News Coverage to the Labourers' Plight in the Gold-diggers of Eastern Siberia

N. A. Bushina

RASE AVT EDI (Regional Autonomous State Establishment for Advanced Vocational Training, Education Development Institute)

The abstract depicts particularities of working conditions of East Siberian gold-diggers in early 80-s of the XIX c., the essence of their labour matter, its' in-state regulations and status. Here the writer describes the ways and means proposed in local print coverage to settle the matter; and the review is being provided.

Key words: working conditions, Siberian press, gold-mining, contrabande alcohol, gold-diggers.

Бушина Наталья Александровна – кандидат исторических наук, зав. кафедрой информационно-образовательных технологий областного государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования Иркутской области, 664023, г. Иркутск, ул. Лыткина, д. 75А, 8(3952)532333, e-mail: forest1981@mail.ru

Bushina Natalia Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Computer Assisted Learning, the Regional Autonomous State Establishment for Advanced Vocational Training "Education Development Institute", 664023 Irkutsk, Lytkin st., 75A, 8(3952)532333, e-mail: forest1981@mail.ru